

Фрагменты из книги
И.Д.Рожанский, М.М.Рожанская, С.Р.Филонович
"Дмитрий Аполлинариевич Рожанский"
(М.: Наука, 2003, 159 с.
Серия "Научно-библиографическая литература")

Из главы "Ленинградский период (1923-1936)" (с.52-58)

Из воспоминаний И.Д.Рожанского (с.130-134)

Из воспоминаний Л.В.Алексеева (с.141-142)

Интервью с Е.Н.Рожанской (запись М.М. Рожанской) (с.143-144)

Основные даты жизни и деятельности Д.А.Рожанского (с.145)

(нумерация страниц соответствует книжной публикации)

Д.А.Рожанский среди сотрудников своей лаборатории (1-ый слева); рядом с ним сидят слева направо: А.Н.Шукин — будущий академик и О.Р. Гильберт (в 1930 г. репрессирован и умер в тюрьме)

Впереди Дмитрия Аполлинариевича ждали страшные испытания. Вслед за коллективизацией (и почти одновременно с ней) началась борьба с интеллигенцией, вернее, поскольку она с 1917 г. практически никогда не прекращалась, новый ее этап.

В восстановительный период, закончившийся ориентировочно к 1927 г., российская инженерно-техническая интеллигенция (так называемые буржуазные спецы) допускались к работе в промышленности. Репрессиям подвергалась преимущественно (но не исключительно) "прочая" интеллигенция. С 1927 г. началась расправа с ведущими инженерами, на которых можно было свалить всю совокупность неудач и недостатков, а иногда и полного краха в выполнении ре-

альных и нереальных хозяйственных планов, обвинив их во "вредительстве". Если крупный инженер дореволюционного выпуска и не был "вредителем", то его во всяком случае можно было в этом подозревать. Но если до 1928 г. расправа с инженерно-технической интеллигенцией не имела широкой гласности (все обходилось преимущественно силами ГПУ), то теперь судебные процессы становятся публичными.

В 1928 г. проходит показательный публичный судебный процесс "Шахтинское дело". Этот процесс был первым громким по публичности, которую придали ему власти, и не менее громким по ошеломляющим признаниям и самобичеванию подсудимых, в нем участвующих. Судили ведущих инженеров угольной промышленности, обвиненных во "вредительстве". Через два года, в сентябре 1930 г. проходит судебный процесс "организаторов голода" - сорока восьми ведущих инженеров - "вредителей" в пищевой промышленности. Они, по словам обвинения, создали организацию, поставившую своей целью сорвать снабжение населения продовольственными товарами. Это были в основном крупнейшие в стране инженеры-технологи дореволюционной выучки. Коллегия Верховного суда рассмотрела дело и всех приговорила к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение.

В конце 1930 г. прошёл обвинительный процесс по делу "Промпартии", некоей несуществующей организации, состоящей, как и в двух предыдущих случаях, из ведущих инженеров, теперь специалистов тяжелой промышленности. В отличие от предыдущих, процесс был уже безукоризненно отрепетирован. Если в двух вышеупомянутых процессах не все обвиняемые признавались в мифических "злодеяниях" и возводили на себя невероятную вину (большинство нашло в себе мужество и силы противостоять этому), то в процессе "Промпартии" все до единого подсудимые признались в своих "преступлениях". "Вредительство" в промышленности при этом связывается со "шпионажем" в пользу иностранных разведок и русской эмиграции.

Но этого мало. По меткому выражению А.И. Солженицына, "с этого момента предпринят важный шаг ... ко всенародному распределению ответственности за канализацию"⁷. Оставшиеся "на поверхности" должны были славить суд и радоваться судебным расправам... (Это предусмотрительно! - пройдут десятилетия, история очнется, - но следователи, судьи и прокуроры не окажутся более виноваты, чем мы с вами, сограждане!)" [97, с. 56].

Поэтому проводится очередная кампания. Опережая решение суда, рабочие и служащие по заводам и учреждениям должны дружно и поголовно единогласно проголосовать за смертную казнь "вре-

⁷ Этим словом А.И. Солженицын называет совокупность потоков репрессированных Гулага.

дителям". Ко времени процесса "Промпартии" кампания уже перерастает во всеобщие митинги и демонстрации, в которых участвуют даже школьники. И массы дружно требуют смерти "врагам народа".

Эта всеобщая кампания не обошла стороной и ленинградский Политехнический институт. Как и во всех учреждениях Ленинграда, все его сотрудники должны были единогласно проголосовать за смертную казнь "вредителям" (заметим, еще до судебного процесса над ними).

Далее все произошедшее изложено со слов сына Д.А. Рожанского, Ивана Дмитриевича, который слышал дома обо всех перипетиях этих событий. Собрание на физико-механическом факультете Политехнического института состоялось 25 сентября 1930 г. Вначале был доклад, затем состоялось голосование. Все собрание проголосовало за смертную казнь, кроме Дмитрия Аполлинариевича Рожанского, который воздержался. На вопрос председательствующего, по каким мотивам он воздерживается, Дмитрий Аполлинариевич спокойно ответил, что ему ничего неизвестно об этом деле, что он, конечно, против "вредительства", но и против смертной казни, потому что эти люди могут еще принести пользу. И вообще, - добавил он, - я против смертной казни как человек и как ученый, потому что это - необратимый процесс, и если допущена ошибка, ее исправить уже невозможно" (см. Приложение 2).

В то время это был мужественный поступок человека отчаянной смелости, который был продиктован прежде всего чувством собственного достоинства и внутренней независимости. Так был воспитан Дмитрий Аполлинариевич, и на этом он стоял всю жизнь. Если он сталкивался со злом и насилием, он не мог иначе, он мог им только противостоять, сам хорошо понимая при этом, какой опасности себя подвергает.

И действительно, последствия не заставили себя ждать. Уже 28 сентября в "Ленинградской правде" появилась анонимная статья под названием "Рожанским нет места в семье советских ученых", написанная в типичном для того времени бесцеремонно-хамском тоне (см. вклейку фотографий).

Это, очевидно, послужило одним из поводов для ареста Д.А. Рожанского. Арест произошел в ночь с 4 на 5 октября 1930 г.⁸

Почти одновременно с ним были арестованы несколько сотрудников Физико-технического института. 29 ноября он был исключен из списков сотрудников института.

В центральной тюрьме Ленинграда "Крестах", где Дмитрий Аполлинариевич провел почти десять месяцев, он подвергался постоянным длительным допросам и требованиям подписать обвине-

⁸ Сведения, излагаемые ниже, получены из беседы с И.Д.Рожанским, а также из воспоминаний дочери Д.А.Рожанского Ольги Дмитриевны и упомянутых выше воспоминаний Л.В.Алексеева (см. Приложения 2, 3, 4).

ние. Вначале его "дело" пытались связать с делом "Промпартии" (процесс "Промпартии" как раз готовился). Но это не удалось. Дмитрий Аполлинариевич не знал никого из проходивших по процессу, и следователь вскоре отошел от этого обвинения. Тогда, по воспоминаниям Ольги Дмитриевны Рожанской (со слов отца), следователь пытался надавить на одного из арестованных вместе с ним инженеров с требованием, чтобы тот показал на Д.А. Рожанского как на автора радиоприбора "для подслушивания мыслей Сталина". (Речь, очевидно, шла о чем-то, связанном с началом работ в области радиолокации). Но арестованный инженер, доведенный следователем до тяжелого нервного расстройства, ничего не подписал.

О том, как проходили допросы Дмитрия Аполлинариевича, вспоминает Л.В. Алексеев, который слышал рассказ об этом от него самого уже после его освобождения, в Москве в 1931 г. в доме своего дяди В.М. Арнольди.

"... Я об этих вещах услышал, помню, в доме Арнольди на Чистых прудах. Был 1931 г. Вечером у них в гостях был теперь уже ленинградский профессор Дмитрий Аполлинариевич Рожанский. Никто не обращает внимания на меня десятилетнего, и я тихо сижу в углу. Д.А. взволнованно ходит по комнате и нервно рассказывает о пережитом. 5 октября 1930 г. (как мне сказал Иван Дмитриевич) он был арестован в Ленинграде, где жил с семьей и подвергался бесконечным допросам и требованиям подписать обвинение. Он упорно отказывался, и тогда его "забывали" в коридоре при двух конвойных. Конвой через определенное время менялся, ему же не разрешалось сесть и, стоя между конвойными, он поминутно слышал "Спать! Спать нельзя!" Так он простоял первую ночь. Утром показался следователь: "Это вы? А мы про вас совсем забыли, извините, пожалуйста! Ну, пойдемте в кабинет!", - говорил он с любезной улыбкой, и допрос продолжался. Д.А. Рожанский и на второй день ничего не подписал, и опять его "забыл" следователь на ночь. Последнюю ночь он уже стоять не мог и висел на конвойных, но наутро все-таки ничего не подписал... Этот рассказ Дмитрия Аполлинариевича мы с Арнольди слушали с изумлением - никто ни о чем подобном еще не слышал" (см. Приложение 3).

... И это было еще сравнительно либеральное время, следовательно были еще "любезны" и нагло извинялись за пытку... Не то, что потом. "Методы" 1937 г. были еще впереди. Затем допросы прекратились. Несколько месяцев Дмитрий Аполлинариевич просидел в камере вдвоем с инженером, от которого требовали показаний на него, а затем в одиночке. Их оставили в покое. Через некоторое время они оба обратились к тюремному начальству с просьбой дать им какую-нибудь работу. Эту "какую-нибудь" работу им предоставили в сыром подвале. Вскоре Дмитрий Аполлинариевич тяжело заболел (эндокардит) и оказался в тюремной больнице.

Проблема была в том, как сообщить на волю обо всем, что с ним происходит. Все-таки 1930-е годы были еще очень "либеральным" временем. Заключение могли передавать близким во время передач белье для стирки, которое те при следующей передаче приносили обратно. Дмитрий Аполлинариевич по возможности подробно написал обо всем, что с ним произошло и происходит в записке и сумел спрятать ее в обшлаг рукава рубашки, которую передал жене для стирки. Конкордия Федоровна быстро ее обнаружила и сообщила об этом А.Ф. Иоффе.

А.Ф. Иоффе сразу же после ареста Д.А. Рожанского начал хлопотать об его освобождении. Вначале он обратился к С.М. Кирову, тогдашнему секретарю Ленинградского обкома партии. По роду деятельности А.Ф. Иоффе был достаточно коротко знаком с этим всеильным ленинградским "вождем" того времени, настолько, что входил к нему без доклада. По словам А.Ф. Иоффе, С.М. Киров ответил на его просьбу так: "Если он (Д.А. Рожанский) сам на себя не наговорит, то обещаю, что он будет выпущен". (Это свидетельствует о том, что С.М. Киров очень здраво оценивал ситуацию в стране.) Через короткое время А.Ф. Иоффе встретился с С.М. Кировым в Мариинском театре (Киров был большим любителем балета), и тот его "не узнал". А.Ф. Иоффе понял, что Киров ничего не смог сделать, хотя, скорее всего, и пытался.

Получив записку Дмитрия Аполлинариевича, из которой следовало, что он "ни в чем не признался", А.Ф. Иоффе при первой же поездке в Москву, где он бывал очень часто, обратился к Г.К. Орджоникидзе, тогда Наркому тяжелой промышленности, с которым он был достаточно тесно связан, будучи директором Физико-технического института. Институт входил в систему Министерства тяжелой промышленности, которым руководил Г.К. Орджоникидзе. А.Ф. Иоффе рассказал о допросах Дмитрия Аполлинариевича, дал ему прочесть записки и просил помочь. Г.К. Орджоникидзе никаких сроков не называл, но помочь обещал. И, очевидно, тоже не смог (или не стал пытаться), потому что дело никак не двигалось.

Тем временем Дмитрия Аполлинариевича вообще перестали вызывать на допросы. Несколько месяцев он пробыл в одиночке. За это время он несколько раз обращался с заявлениями, очевидно, на имя начальства следственного отдела, а возможно и непосредственно к следователю, ведущему его дело. Заявления эти не сохранились, как не сохранилось и само дело. Но до нас дошел неокончательный, черновой вариант одного из этих заявлений, судя по его содержанию, последнего, написанный карандашом на полях книги, полученной в передаче из дома. (Эта книга - сборник переводов стихов зарубежных поэтов 1920-х гг. - хранится в семье Д.А. Рожанского с 1930-х гг.!). Текст удалось почти полностью восстановить. Этот замечательный документ - свидетельство высокого достоинства, мужества и силы духа его автора - говорит сам за себя.

"Все мои заявления до сих пор — пишет Дмитрий Аполлинариевич, - оставались без ответа. Я мог бы заключить из этого, что не должен был подавать их, но тем не менее обращаюсь к Вам еще раз, и хотел бы, чтобы Вы отнеслись к этому заявлению, читая его, с той же серьезностью, как я, когда пишу его. В настоящее ответственное время я принужден сидеть без дела вместо того, чтобы принимать участие в том важном деле, которое поставлено настоящим моментом перед представителями советской науки. Ту работу, которую я, как мог, делал и продолжал бы делать, если бы не был арестован, я в состоянии продолжать и в дальнейшем, если на меня не будет ... клеймо вредительства. Я считаю, что вредителям не место в современной жизни, и если бы я был вредителем, я приветствовал бы Ваше обещание вычеркнуть меня из списка живущих. Но так как я не могу ни в чем признать себя виновным, то я могу только добиваться своей полной реабилитации.

Но с другой стороны, **я не вижу смысла жизни вне работы среди современной молодежи**, которая всегда относилась ко мне с доверием и не мог бы работать, если бы это доверие было подорвано обвинительным приговором. **Я не настолько стар, чтобы цепляться за жизнь во что бы то ни стало**, и мне безразлично, в какой форме формулируется обвинительный приговор, т.к. такой приговор, как бы мягок он ни был, сделал бы для меня невозможной какую-либо ответственную работу, а это для меня недалеко от смертного приговора.

Еще раз просил бы Вас серьезно отнестись к моему заявлению, на которое я буду ждать ответа до 1 мая. Если и оно останется без результата, мне остается только прибегнуть к..."

Последним словом, которое в тексте не сохранилось, очевидно было "голодовка". Действительно, по воспоминаниям И.Д. Рожанского, отец ему рассказывал, что он собирался объявить голодовку, если и это заявление останется без ответа.

Вероятно, на этот раз оно не осталось без ответа, а может быть, оказало влияние и ходатайство "высоких лиц". Во всяком случае вскоре Дмитрий Аполлинариевич был переведен в так называемое Ленинградское техническое бюро (одну из ранних "шарашек"), где работали в основном заключенные инженеры и научные работники и где его "использовали по специальности". Там он проработал до конца июля 1931 г. А затем произошло нечто, по тому времени почти невероятное.

По воспоминаниям дочери Д.А. Рожанского, Ольги Дмитриевны, однажды летом она была в кухне у окна, выходящего на двор, и вдруг увидела Дмитрия Аполлинариевича, идущего по двору домой. Это случилось 26 июля 1931 г. Постановлением управления НКВД Ленинграда от 19 июля 1931 г. дело Д.А. Рожанского было прекращено "за недостаточностью улик", и 26 июля без всяких объяснений он был освобожден. Это был один из тех редких случаев (число их

было наперечет), когда жертвы - люди из потока арестованных - возвращались.

Как это могло произойти? Сам Дмитрий Аполлинариевич объяснял это тем, что именно летом 1931 г. были опубликованы знаменитые "шесть сталинских условий строительства социализма", в числе которых предлагалось от политики репрессий по отношению к старой научно-технической интеллигенции перейти к политике ее "привлечения к социалистическому строительству и заботы о ней" (пятое "условие"). Строительство промышленно-экономического фундамента социализма требовало специалистов. Поэтому для них разгром закончился, и "даже намечился в 1931 г. маленький антипоток, когда уже засуженных или заследованных инженеров возвращали к жизни" [97, с. 57].

В этом "антипотоке" оказался и Д.А. Рожанский. С ним это проще было сделать, т.к., во-первых, следствие было не закончено, и, во-вторых, он ни в чем не "сознался" и ничего не подписал. Это, очевидно, и было "недостаточностью улики". "Не сказать ли, что он выдержал поединок со Сталиным?" Так оценивает его мужественное поведение А.И. Солженицын [Там же].

Возможно сыграли свою роль и действия А.Ф. Иоффе, который ходатайствовал об освобождении Дмитрия Аполлинариевича перед С.М. Кировым и Г.К. Орджоникидзе.

Освобождение Д.А. Рожанского конечно было в значительной степени случайным, во всяком случае, непредусмотренным актом. Уже после освобождения Дмитрий Аполлинариевич однажды встретил на улице своего тюремного врача. Тот очень удивился, видя его живым и здоровым: "Мы, кажется, сделали все, что могли, чтобы вы не остались в живых", — сказал он (см. Приложение 4). Невольно вспоминаются слова из заявления Дмитрия Аполлинариевича: **"Ваше обещание вычеркнуть меня из списка живущих..."**

Процесс "Промпартии" и сопровождающую его волну арестов можно рассматривать не только как одну из первых попыток массированного разгрома научной интеллигенции, но и вообще как первый этап целенаправленного разгрома науки. Но, как следует из хроники последующих событий, эта попытка очевидно была сочтена преждевременной. Второй такой попыткой можно считать "дело академика Н.Н. Лузина"⁹, которое должно было показать, кто полный хозяин в стране и в отечественной науке. Планомерный и последовательный разгром науки начался, как известно, уже после Отечественной войны пресловутой "лысенковской" сессией ВАСХНИЛ 1948 г.

[97] Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг: опыт художественного исследования. Вермонт, Париж: УМКА-Press. Т. I-II. 598 с. Т. III-IV. 625 с.

⁹ "Дело академика Н.Н. Лузина" - сборник материалов и статей. Отв. ред. С.С. Демидов. С.-П.: РХГИ. 1999. 311 с.

Рожанским не место в семье советских ученых

Лучшие представители технической интеллигенции резко ставят вопрос о том, что настало время раз навсегда сейчас покончить с нейтральностью и аполитичностью. Либо — либо. Либо беззаветно отдать все свои силы на службу социалистическому строительству — вместе с партией, вместе с рабочим классом. Либо оставаться в «болоте» и лить воду на мельницу вредителей и контрреволюционеров, на мельницу наших заклятых классовых врагов.

В отдельных высших учебных заведениях отдельные научные работники из так называемого «болота» во время обсуждения сообщения о раскрытой контрреволюционной организации вскрыли свое политическое лицо.

Когда основная масса научных работников требовала расстрела контрреволюционеров-вредителей рабочего снабжения, когда основная масса научных работников голосовала именно за расстрел — отдельные научные работники, прикрываясь либерализмом, гуманизмом, аполитичностью имели наглость воздержаться от голосования по этому поводу. Этим самым они выразили свое сочувствие вредителям, выступившим с планом

удушения костлявой рукой голода миллионов трудящихся, строящих свое социалистическое общество труда. Такие случаи имели место в Москве. Имели место и в Ленинграде.

Характерный такой случай имел место на собрании секции физико-механического института. Профессор института Рожанский во время единогласного принятия резолюция о том, что все научные работники объявляют себя мобилизованными на ликвидацию прорыва и считают совершенно правильным расстрел организаторов голода воздержался при голосовании.

Свое воздержанье он мотивировал принципиальными соображениями «против смертной казни». Никак иначе, как защитой вредителей, такое выступление проф. Рожанского нельзя квалифицировать. Секция научных работников института должна из этого выступления сделать соответствующие политические и организационные выводы. Подобным Рожанским не место в семье советских ученых.

Статья из газеты "Ленинградская правда", 28 сентября 1930

Из воспоминаний И.Д.Рожанского

Мой отец родился и рос в Киеве и кончил Киевскую гимназию, он в двух гимназиях учился. Я боюсь ошибиться, но, по-моему, сначала в первой, а потом в четвертой. Одна из этих гимназий была та, что позже окончил Булгаков. Если вы видели мхатовскую постановку "Дни Турбиных", то там в одной из картин лестница в вестибюле, которая, как мне говорили, скопирована с лестницы в этой булгаковской гимназии. Вот отец тоже там учился. Здание сохранилось. Во всяком случае до войны она существовала.

Я как раз собрал фотографии, которые можно будет использовать. Вот это дом в Киеве, где родился мой отец, собственно дом принадлежал как раз дедушке Аполлинарию Николаевичу.

Окончил он гимназию в 1899 г. Примерно в том же году он познакомился с моей матерью. Моя мать была родом из Сибири, она училась в Петербурге. Были такие Фребелевские курсы, это курсы дошкольного воспитания детей. И вот в это примерно время, не знаю по каким-то причинам, она была в отпуске под Киевом в одной деревне, и там были Рожанские, в том числе мой отец. Они познакомились и вскоре поженились. Мой отец переехал в Петербург, в 1899 г. он поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет. Я знаю, что до какого-то времени было запрещено жениться студентам, но я не помню, может быть это касалось каких-то других заведений. Почему отец выбрал физико-математический факультет, он никогда не рассказывал. У меня сохранились его рукописи гимназического возраста, там ничто не говорит о его склонности к физике. Журнал он какой-то классный выпускал, сам в этот журнал писал, какие-то рассказы, стихи, но никаких намеков на его склонность к физике я не нахожу. Я не знаю. Но, по-видимому, он это сделал сознательно, поскольку поехал в Петербург как раз для того, чтобы поступить на физико-математический факультет. Да, там были два основных физика: Хвольсон и Боргман. Он по существу на последних курсах работал с Боргманом, Боргман был больше теоретиком, он хорошо знал теорию Максвелла, он повлиял на отца, на судьбу его дальнейшую. В специальности. В 1904 г. он окончил университет с отличием, поскольку был оставлен, как было сказано при университете для подготовки к профессорству, к ученой степени. Но одновременно он поступил лаборантом в Ленинградский электротехнический институт, теперь он так называется, а летом 1905-1906 гг. он на летний семестр ездил в Германию, в Гёттинген. Там работал в Институте прикладной электро-

техники, директором которого был профессор Зимон, очень известный. И, видимо, под эгидой Зимона он сделал первые работы по искровому разряду, первые работы из той серии как раз относятся к этим годам. В 1904 или 1903 г. у отца родился сын, мой старший брат Всеволод, но он недолго прожил, в 1914 г. умер от менингита. Это было для моего отца большим ударом, он очень любил его. По-моему, он любил его больше, чем других своих детей. А магистерскую диссертацию он защищал в Петербурге. Да-да, в 1911 г. В этой папке есть ксерокопия этой диссертации. Вот еще фотография: справа - моя бабушка, мама и отец, а еще какая-то женщина, мне неизвестная. Сразу после защиты диссертации он был приглашен в Харьковский университет, вначале на должность доцента, а уже через год он был исполняющим обязанности профессора, а потом профессором. И был там до 1921 г. Вот это такая забавная фотография, это он в Гёттингене. Говорят, что я похож на отца. Не знаю. У меня больше черт от матери, у него форма головы, лица удлинённая такая, овалом, а у меня нет. Вот это в харьковской лаборатории. В Харькове эти годы, может быть, не были столь плодотворными в научном смысле, но они были плодотворными в смысле того, что отец основал там харьковскую физическую школу.

В 1913 г. отец купил участок, построил дачу, где были участки у харьковских профессоров. На этой даче наша семья после революции 1917 г. жила безвыездно, переселилась туда из города и до 1921 г. там жила. Это было сделано из практических соображений: и безопасно, и просто легче было жить. Правда для отца это было отчасти труднее, потому что ему там приходилось заниматься хозяйством, особенно во время революции. С крестьянами он сеял, копал, обрабатывал и т.д. Четыре дня проводил в Харькове, а дня три на даче, где он в основном занимался сельским хозяйством. Но там тоже были правда всякие трудности. Мы пережили очень опасные моменты, особенно, когда в 1920-х гг. банды "зеленых" были, в основном, это бывшие демобилизованные из армии. Раза два они напали на нашу дачу. Второй раз они по существу ограбили полностью, унесли все вещи. После этого, это было в 1921 г., мои родители решили продать дачу и переехать в Харьков. Затем отец получил приглашение в нижегородскую радиолaborаторию, которую основал Бонч-Бруевич. В этой лаборатории отец проработал два года. Там он не преподавал, а занимался исследовательской работой, это период его работы по теории антенн...

В 1923 г. он оттуда уехал. Там начался раскол. Бонч-Бруевич был главный организатор, но он был человеком очень диктаторского склада, деспотичным, не переносившим соперников. В качестве соперника у него появился профессор Вологдин. Он разрабатывал альтернативный метод получения радиоволн с помощью высокочастотных машин. Бонч-Бруевич к этому направлению относился резко отрицательно. У них были стычки, и, по мнению моего отца,

Бонч-Бруевич вел себя по отношению к Вологдину очень некорректно. Отец встал на сторону Вологдина и, когда в 1923 г. в лаборатории произошел раскол, он решил вместе с Вологдиным и другими, Шориным (очень известный изобретатель) ехать в Петроград. В Петрограде он сначала работал в ведомстве, которое называлось трест слабых токов. По существу, это был прообраз будущего министерства радиопромышленности. Там он недолго проработал, примерно год, Абрам Федорович Иоффе пригласил его в Политехнический институт, где был физико-механический факультет, куда он перешел в 1924 г. и работал профессором. Иоффе был там профессором, а в 1924 г. мой отец тоже присоединился. С самого начала Иоффе был заведующим кафедры физики. В значительной степени заведование это было номинальное, а отец мой был заместителем заведующего, но фактически он заведовал кафедрой. Вот как раз фотографии... Это Семенов, это Иоффе, Кирпичева. Это вот Усатый, у него такая фамилия, это родственник Иоффе, Шапошников. Он тоже преподавал в Политехническом институте. Там у него была какая-то история с Поповым. Я не знаю.

На рубеже 1930-х годов отец создал лабораторию в Ленинградском электрофизическом институте. Там была целая история: его выгоняли, затем была создана лаборатория № 9, где из известных лиц был Щукин, будущий академик. Он заведовал еще кафедрой в Академии связи им. Буденного. Это последний год перед смертью.

Какие-то конкретные мотивы ареста? У Солженицына в "Архипелаге" фамилия моего отца упоминается. А дело заключалось в следующем. В декабре 1930 г. у нас тогда был период вредительства, на самом деле оно нигде никогда не существовало. Все больше и больше, в 1930 г. это была прямо мания такая, везде высматривать вредительство. В частности, в газете было неожиданно опубликовано обвинительное заключение по делу работников пищевой промышленности. Было сказано, что раскрыта организация, которая старалась всячески сорвать снабжение населения продовольственными товарами. Там перечислялись 48 человек, которые участвовали в этой организации, это были в основном инженеры-технологи с дореволюционным прошлым. Было сказано, что коллегия Верховного суда рассмотрела это дело, приговорила всех к высшей мере наказания, и приговор был приведен в исполнение. Так сразу было сказано.

Как тогда было принято, в учреждениях собирали собрания, которые должны были одобрять эти приговоры, было такое собрание на факультете. Там должен был быть доклад чей-то, затем голосование - одобрить приговор, и все проголосовали за, а отец воздержался. Председательствующий спросил его, по каким мотивам он воздерживается. Отец сказал, что он ничего не может сказать об этом деле, что он, конечно, против вредительства, но и против

смертной казни, поскольку считал, что эти люди еще могли принести пользу. Поэтому он не может одобрить этот приговор. И все. Это было числа 25 сентября, а 28 - в "Ленинградской правде" появилась заметка, которая называлась "Рожанским не место в семье советских ученых". У меня даже есть вырезка, где-то она у меня в бумагах хранится. Было написано в типичном для того времени хамском духе, грубо очень, помню, такая фраза была "в то время, как советские люди единогласно одобряют этот приговор, вот нашелся один такой отщепенец, этот самый Рожанский, который голосовал против". Это послужило, очевидно, поводом к аресту. В ночь с 4 на 5 октября он был арестован. Он пробыл в заключении сравнительно недолго, меньше года. Я помню летом, в августе месяца, я вернулся домой, и он был дома. А до этого было так. Вначале его допрашивали, хотели как-то привязать к "Промпартии". Как раз готовился процесс "Промпартии". Это не удалось, он никого не знал из тех, кто проходил по этому процессу, не был знаком, не был связан. От этого обвинения вскоре следователь отошел. Но тогда, в 1930 г., было сравнительно либеральное время, в том смысле, что еще не применялись такие методы допроса, как в 1937 г. Самое большое, что я знаю, что однажды следователь просто оставил отца в коридоре стоять и сказал: "Стойте, я приду" - и ушел. И не приходил до утра. Он всю ночь должен был там стоять, причем стражник, который был рядом, не давал ему спать. Это, пожалуй, самое сильное, что применялось. А потом через несколько недель как-то перестали допрашивать. И он просто сидел в одиночке несколько месяцев. Он написал заявление на имя военного прокурора или главного прокурора о том, что он сидит, не знает за что арестован, сидит без всякого следствия, и если не будут приняты меры, то он объявляет голодовку. Это подействовало, потому что вскоре после этого он был переведен в так называемое техническое бюро. "Шарашка", говорили еще. Где он и специалисты сидели и работали по специальности. Это было в 1931 г., и последние месяцы он был в этой "шарашке" в компании уже инженеров, специалистов. Были еще некоторые обстоятельства, почему он был выпущен. Во-первых, за него хлопотали, в частности, Иоффе хлопотал. У Иоффе были встречи с Кировым. Со слов Иоффе Киров сказал ему так: "Если, говорит, он сам на себя не наговорит, то обещаю, что он будет выпущен". А кроме того, в тот период, в 1931 г. были опубликованы так называемые условия товарища Сталина, о политическом курсе страны в настоящее время. Одно из этих условий состояло в том, что надо перейти от политики репрессий по отношению к научно-технической интеллигенции к политике привлечения ее к социалистическому строительству. И многие незаконченные дела были прекращены. А людей, которые были арестованы, но не получили еще конкретных сроков, освободили. Так и мой отец, он был просто схвачен, и освобожден без всяких объяснений. Его сразу восстановили на работе, во всех должно-

В кругу семьи

стях и всех званиях и т.д. И потом он работал до 1936 г. Умер он в 1936 г. скоропостижно, от сердечного приступа: он упал и скончался тут же, мгновенно. Я думаю, это была милость судьбы какая-то, потому что в 1936-1937 гг. очень вероятен был повторный арест. Вероятность была велика, многих так арестовывали. И уже так благополучно дело не могло закончиться.

Из воспоминаний Л.В.Алексеева

Начиналась борьба с интеллигенцией, на "вредительство" которой отныне списывались все просчеты правителей. Весной прошел первый показательный процесс - т.н. "Шахтинское дело". Моя мать, учительница музыки, рано окончила учебный год. Времена же были настолько еще детские, что ей удавалось "под рукой", без пропуска попадать в Октябрьский зал Дома союзов почти на все заседания. Она видела там страшные вещи и при мне рассказывала родственникам. Я все слышал и запоминал...

Второй раз я об этих вещах услышал, помню, в доме Арнольди на Чистых прудах в Москве. Был 1931 г. Вечером у них в гостях теперь уже ленинградский профессор Дмитрий Аполлинариевич Рожанский. Никто не обращал внимания на меня десятилетнего, и я тихо сидел в углу. Дмитрий Аполлинариевич взволнованно ходил по комнате и нервно рассказывал о пережитом. 5 октября 1930 г. (как мне сказал Иван Дмитриевич) он был арестован в Ленинграде, где жил с семьей, и подвергался бесконечным допросам и требованием подписать обвинение. Он упорно отказывался и тогда его "забывали" в коридоре при двух конвойных. Конвой через определенное время менялся, ему же не разрешалось сесть. Стоя между конвойными, он поминутно слышал "Стоять! Спать нельзя!". Так он простоял первую ночь. Утром показался следователь: "Что вы? А мы про вас совсем забыли, извините пожалуйста! Ну, пойдемте в кабинет!" - говорил он с любезной улыбкой и допрос продолжался. Д.А. Рожанский и на второй день не подписал, и опять его "забыл" следователь на ночь. Последнюю ночь он уже стоять не мог и висел уже на конвойных, но наутро все-таки ничего не подписал... Этот рассказ Дмитрия Аполлинариевича мы с Арнольди слушали с изумлением - никто ни о чем подобном еще не слышал. На Шахтинском процессе, по рассказу моей матери, один из обвиняемых - СкарUTO (фамилию помню с детства!), давая показания, услышал из зала истошный голос жены: "Зачем ты лжешь на себя, Михаил?!", он заметался и сказал, что все это неправда, "но с нами такое делали!.." - Председатель суда (Вышинский) объявил, что обвиняемому плохо, перерыв! Через 15 мин СкарUTO, как ни в чем не бывало, продолжал показания... Это мы от моей матери слышали, но ведь СкарUTO не рассказал, что с ним делали, как пытали!.. В 1931 г. следователи еще были "любезны" и нагло извинялись за пытку. Не то, что потом! По рассказу Ивана Дмитриевича мне (о пытке его отца он узнал только от меня!), его отец написал жалобу прокурору. Его перевели в "техническое бюро" ("шарашка"), где он использовался как физик. В том же 1931 г. были опубликованы печально знаменитые "шесть условий Сталина", где предлагалось перестать бороться со старыми интеллигентскими кадрами, а их использовать по специальности. В результате в июле 1931 г. Д.А. Рожанский был освобожден и вернулся к семье в Ленинград.

На этом мои воспоминания о семействе Рожанских кончаются.

Повели по всей деревне
Миру на потеху.
Но стоял народ в молчаньи —
Было не до смеху.

А из лесу вышла вьюга,
Вместе с ветром шалым.
Проскакала по деревне,
Яблоно сломала.

И когда луна на небе
Ночью показалась,
На усадьбе хлев с амбаром
Загорелись малость.

Все колодцы позамерзли.
Эх, воды нет даже!
Три дня с неба черным снегом
Все валилась сажа...

Перевел М. Живов

ПЕСНЯ МУЖИКОВ

Доля-неволя,
Гуляй не тужи,
Боле не бойся
Столба и межи.
В поле не будем
Трудиться задаром;
Больше не страшен
Ни пан, ни жандарм.
Выпрямись, хлоп,
В человеческий рост;
Послано панство
Кобыле под хвост.
Воля на поле —
Паши, борони:
Ксендз на припряжку,
А пан — коренник!
Слышь-ка!
Парнишка!
Дружнее!
Вперед!
Барскую утварь
Пусть каждый берет.
В панских хоромах
Ходи и гуляй:
Сбиты затворы,
Свободна земля!

Перевел Н. Ассев

Интервью с Е.Н. Рожанской

(запись М.М. Рожанской)

Эту историю, которая произошла с ее отцом, я слышала от Ляли, дочери Дмитрия Аполлинариевича Рожанского.

В период процесса над "Промпартией" в институте у Иоффе, где работал Дмитрий Аполлинариевич Рожанский, были собрания сотрудников, на которых призывали всех проголосовать за смерть или смертную казнь для судимых. Все проголосовали, воздержался только Д.А. Рожанский. Тогда его призвали выйти на сцену и объяснить свою позицию. Он вышел и сказал, что принципиально против смертной казни, потому что это вещь необратимая, поэтому воздержался. Через некоторое время в газетах Ленинграда стали появляться статьи, шельмующие Дмитрия Аполлинариевича. А еще через какое-то время к нему пришли и арестовали. Одновременно арестовали несколько профессоров [из института] Иоффе, кажется двух. И несколько инженеров. Тогда Дмитрий Аполлинариевич работал над принципами радиолокации, и на одного из инженеров стали очень сильно нажимать с принудительными мерами давления, чтобы он подписал на Дмитрия Аполлинариевича донос, что он разрабатывал принципы радиолокации для подслушивания мыслей Сталина. Этот инженер не подписал донос несмотря на то, что его довели до тяжелого нервного заболевания. Как происходили допросы Дмитрия Аполлинариевича, я точно не знаю. Но через какое-то время их оставили в покое, но Д.А. было очень тоскливо, и они двое (инженер тоже сидел с ним в одной камере) обратились к начальству с просьбой дать им какую-нибудь работу. Работу дали в сыром подвале. Через некоторое время Дмитрий Аполлинариевич заболел, и его поместили в тюремную больницу. И как рассказывает Ляля Рожанская, ему все надоело, и он решил известить на волю, что с ним происходит, о чем его спрашивают, и вообще всю эту историю. Тогда отдавали белье женам для стирки, после которой они приносили чистое белье обратно в тюрьму. И вот он написал все, что с ним произошло, все допросы, все, все, все очень подробно, и зашил свои записки в обшлаг рубашки, которую передал для стирки жене. Жена очень быстро обнаружила записки и побежала к Иоффе. Побежала к Иоффе, потому что последний не сидел сложа руки, он ходатайствовал о своих сотрудниках, в частности, он ходил к Кирову и просил расследовать историю с заключением Дмитрия Аполлинариевича и второго профессора, не знаю, как его фамилия, и он ручался за их благонадежность. Киров сказал, что он обратит внимание на это дело, если Дмитрий Аполлинариевич невиновен, то он будет ходатайствовать, и через две недели Дмитрий Аполлинариевич будет дома.

Через какой-то период времени Иоффе встретился с Кировым в театре, но Киров его не узнал. А раньше у них отношения были очень короткие, он входил к Кирову без доклада. Иоффе понял, что Киров не может ничего сделать. А через некоторое время Иоффе узнал, что второй профессор, которого арестовали с Дмитрием Аполлинариевичем одновременно, подписал на себя все обвинения, так как не вынес давления. Поэтому он очень обрадовался, получив подробное свидетельство Дмитрия Аполлинариевича о допросах, и поехал к Орджоникидзе. Дал все это ему прочесть и просил ходатайствовать за своего профессора, Дмитрия Аполлинариевича Рожанского. Орджоникидзе не называл никаких сроков, но тоже обещал помочь. И вот как-то Ляля мыла посуду в кухне и вытирала ее, стоя лицом к окну, выходящему во двор. И вдруг она видит - по двору идет Дмитрий Аполлинариевич. После этого для Дмитрия Аполлинариевича стали создавать очень хорошие условия работы.

- Он вернулся, ему не объяснили ничего, что к чему?

- Нет, ему ничего не объясняли. Однажды на улице он встретил своего тюремного врача. Тот очень удивился тому, что видит перед собой живого и здорового Дмитрия Аполлинариевича, и сказал: "Мы кажется сделали все, что могли, чтобы вы не жили". А к врачам Дмитрий Аполлинариевич не обращался, и жалоб у него каких-то особенных не было. Лежал он в тюремной больнице с эндокардитом. И вот как-то после ученого совета он вернулся домой, пообедал и, как всегда привык, сидел в кресле и читал газету. И вдруг сердце его остановилось.

Одна из последних фотографий
Д.А.Рожанского

Июнь 1998 г.

Основные даты жизни и деятельности Д.А.Рожанского

- 1882, 21 августа (2 сентября по новому стилю) - родился в Киеве 1894 -
поступление в 4-ю киевскую гимназию
- 1899 - поступление в Первую Императорскую киевскую гимназию
- 1900 - окончание гимназии и поступление на физико-математиче-
ский факультет Санкт-Петербургского университета
- 1904 - окончание Санкт-Петербургского университета
- 1905-1906 - работа в Гёттингене в Институте прикладного электри-
чества
- 1906 - первая печатная работа
- 1911 - защита магистерской диссертации. Присуждение премии
А.С.Попова
- 1911-1921 - Харьковский период
- 1911 - приват-доцент
- 1914-1921 - профессор Харьковского университета
- 1921-1923 - Нижегородский период (работа в Нижегородской ра-
диотехнической лаборатории)
- 1923-1926 - Ленинградский период. Профессор Политехнического
института, работа в Физико-техническом институте
- 1930, 25 сентября - выступление на собрании Института
- 1930, 4-5 октября - арест
- 1930, 26 июля - освобождение
- 1932-33 - начало работ по физике газового разряда
- 1933, 1 февраля - избрание членом-корреспондентом Академии наук
СССР по отделению естественных наук (физические науки)
- 1935 - начало работы по проблемам радиолокации
- 1936, 28 сентября - кончина Д.А. Рожанского